

А вонъ монаху отиичаить:

— Ей-Богу, нѣтъ!

Потомъ я въ другой спросилъ:

— Отчи, ты съѣшь просвиру?

Ей-Богу, нѣтъ!

Потомъ и въ третій разъ спросилъ:

— Да совайся ты, отчи: ты съѣшь просвиру?

— А ей-Богу же нѣтъ! отвѣчаетъ.

А у государя была дочь больная, три года на мертвой постели лежала, никто не могъ её вылечить. То вонъ разоглася гассты по всей Россіи, кто только можеть оказатца вылечить мою дочь изъ мужиковъ, изъ духовныхъ, кто только можеть, а вылечить.

А монахъ отвѣтилъ ему, свиншенику:

Смотри шъ ты! Када придёмъ къ государю, ты будешь докторомъ, а я хвиршаломъ. И када, напримѣръ, начнёмъ лечить царскаю дочь, ты потребуй стаканъ воды, и я подамъ тебѣ стаканъ воды, а ты ее збрызнишь и она тѣмъжи озовиеть.

Приходятъ они къ государю,—государь принялъ ихъ за гостя.

Спрашиваетъ государь:

— Что, господа, пожаловали ко мнѣ?

Свишшеникъ отвѣчаетъ:

— Я слышалъ, што у васъ дочь больная три года. Мы можемъ вылечить ее.

— Вотъ благодарю васъ, я тѣмъ доволенъ буду, что вылечить мою дочь!

Свишшеникъ отвѣчаетъ:

Монахъ, гыръ, подай мнѣ стаканъ воды!

Монахъ набираетъ стаканъ воды и почитъ свшшенику въ руки. Попелъ свшшениникъ, гдѣ дочь больная лежить у комодатъ и началъ её збрызгивать, (а надъ ней уже гробъ стоять приготовленной).

Онъ её збрызнулъ и обратился назадъ изъ той комнаты. Монахъ отвѣчаетъ ему:

— Государю доложите, что дочь ваша оодравилась.

Государь и государыня рады были и побѣдили туда въ комнату, што оодравила дочь.

То вонъ, кода вошли туда въ комнату, она сидять и плачить; потому плачить, что уже гробъ приготовили надъ ней.

— Што вы, дитѣ мое, плачете?

Она отвѣчае:

Какъ жи мнѣ не плакать? Я, гыръ, не могла заболѣть, а вы уже мнѣ гробъ приготовили.